

ДАВНО это было. В шумной компании молодых артистов и литераторов меня (тогда еще тоже молодого) познакомили с девушкой, у которой были большие голубые глаза и русский широкий нос «башмачком». И сказали притом: «Это молодая (тогда все были молодые) артистка 2-го Художественного театра Мария Миронова». Помню, я обратил внимание на то, что девушка ведет себя совсем нетипично для молодежи академических театров. Во МХАТе и его студиях, в Малом театре у начинающих артистов, как и теперь, принято было соблюдать «скромность в мыслях»: резких суждений не произносить, со старшими обращаться по законам почтительности прошлого века. Существовал такой термин «нестудийность». Если юности или девушку упрекали в том, что они недостаточно «студийны», их даже выгоняли из академической системы родного театра. И молодежь — вся

монолог! Водевиль и обозрение, пародии и драмы, сценки и скетчи, диалоги с партнером и целые сюиты картинок, иллюстрирующих тему. Миронова отлично двигается на сцене, танцует, поет и меняет облик буквально на глазах у зрителей...

Пора уже сказать о постоянном партнере Мироновой — Александре Менакере, который последние десятилетия выступает с Марией Владимировной и принимает участие в создании репертуара для их дуэта.

Менакер тактично уступает авансцену своей партнерше. Но без него театр Мироновой не состоялся бы. И всякий раз, когда сюжет интермедии требует, чтобы появилось второе действующее лицо, Менакер оказывается «на посту». Он умело меняет маски, берет на себя реплики резонера и характерного лица, аккомпанирует на рояле, поет и танцует, конферирует — словом, является абсолютным необходимым для каждого выступления. Можно было бы говорить о театре Мироновой и

сители этих воззрений показывают широкой публике свое искусство. Пародии Мироновой действуют, как прожектор, направленный на отсталые участки нашего театра.

Следующая категория «героинь» артистки — «мещанка вульгарис». Боже, как смешна эта примитивная личность, живущая слухами и приметами (дурными и хорошими), для которой мелкие делишки и дразни на кухне, в очереди и на базаре, на скамейке во дворе заменяют чтение газет и книг да и вообще мыслительные процессы! Ах, как сочно воспроизводит на сцене Миронова непробиваемый и необъятный пласт тупости подобных кухонных обитательниц!

Сейчас Мария Владимировна из шепетливости отказалась от исполнения ролей так называемых «фиф» — юных или менее юных модниц. Очевидно, артистка полагает, что ей уже не по возрасту играть этих кокеток. Приходится пожалеть об этом.

Реже Миронова показывает

бя заместителем академика... Мария Владимировна удивительно охватительно исполняла эту роль.

Практически в каждой программе Миронова показывает нам героини, которые вызывают наши симпатии. Нам приятно узнавать этих хороших женщин — наших современниц. Мы их встречали в жизни. Мы их любим и благодарны артистке за живое воплощение реальных характеров.

Перед Мироновой постоянно стоит одна и та же проблема: как изображать пошлость и вульгарность? Вопрос крайне серьезный для сатирика. Даже ни на секунду не теряя из виду своей высокой публицистической задачи, можно где-то остушиться, допустить ненужную гиперболу (не все преувеличения полезны, уместны, тактичны). Но, помимо контроля рационального над своим творчеством, есть еще один механизм, приводящий к желанному результату — то есть к сохранению подлинного изящества в показе самых уродливых явлений. Это — ирония. Почти откровенный разговор со зрителем: я-де вам показываю противных людшек и их противные дела. Но сама этим типам не сочувствую ни в коем случае, я над ними посмеиваюсь и вас приглашаю к тому же. И для сего изображаю их не совсем так, как оно бывает в жизни. Я не утрачиваю ни артистического ритма, ни легкости движений, ни игры интонаций.

Вот тут и возникает виртуозность актера, при которой не теряются важные приметы быта, но приобретаются еще все преимущества искусства. Многие исполнители умеют подарить нам такой синтез. Миронова принадлежит к сатирикам, коим это по плечу. Она обладает огромным умением превратить свои наблюдения над реальной жизнью в шедевры сценического воплощения.

Решительно нет возможности хотя бы приблизительно перечислить эти творческие озарения — а комические краски Мироновой хочется назвать озарением, — которые заставляют нас хотеть и быть в ладах, толкать соседа по креслу в бок и шептать: «Точно, точно, я же ее знаю, эту тещу, я живу с нею в одном подъезде!»... Миронова беспощадна не только в наблюдениях и замыслах, но и в воплощении. У нее отсутствует вредная для комика скромность, этот нелепо понятый «хороший вкус», который заставляет артиста только намекать там, где надо кричать; шевелить пальцами, где надо бить кулаком и стучать погам; наклоняться, где нужно кататься по земле... Искусство буфонады не терпит полутонно. Но редкий артист, а в особенности артистка способны в полной мере выразить себя и тот жизненный материал, который послужил основой для образа или отдельного штриха в этом образе. Между тем Вл. И. Немирович-Данченко когда-то сказал, что на сцене ничто не чересчур, если зерно найдено верно. Так вот Миронова умеет во всех своих решениях верно найти зерно и преувеличить его в исполнении предельно! Та, лантом артистки, ее наблюдательностью и выразительностью нелепое и пошлое явление жизни обращено в малую творческую жемчужину. Почему я говорю «малую»? Потому что находки здесь быстротечны и занимают в исполнении роли и сцены краткие мгновения. Это — как вспышка молнии. Она осветила в нашей памяти какое-то конкретное проявление той повседневности, с которым мы были знакомы и прежде. Осветила, заставила переосмыслить, осознать его никчемность и нелепость и — исчезла...

В театре Марии Мироновой мы наблюдаем постоянное горение таланта и ума. Здесь знают, о чем хотят сказать в большой пьесе, в сценке, в рассказе или песне, в куплетах или пародии. И знают, что сказать, как сказать. Вот поэтому повсюду к числу самых любимых зрелищ принадлежат ее выступления на эстраде.

профиль артиста

ТЕАТР МАРИИ МИРОНОВОЙ

Виктор АРДОВ

поголовно — принимала эти правила игры... А вот моя новая знакомая всматривалась веселым и смелым взглядом во все окружающее, громко смеялась, если что-нибудь ей казалось смешным (а смешным ей казалось многое), и изрекала свои резолюции по поводу явлений тогдашней литературы, кино, театра безапелляционно и точно, умно и остро.

Нескоро я встретил артистку МХАТа 2-го Миронову после нашего знакомства. Мне пояснили, что из театра она ушла по собственной воле. Послужила в труппе и мюзик-холле, где участвовала в трех спектаклях. А затем стала исполнительницей очень смешных рассказов, которые сочиняет сама. Естественно, такое приближение к моей собственной деятельности со стороны молодой особы меня крайне заинтересовало. И вот с тех пор — уже не один десяток лет — я наблюдаю за искусством Марии Владимировны с симпатией и восхищением.

Мне кажется, Миронова — одна из самых органичных артисток не только на эстраде, но и в драме. Многочисленные персонажи, которых она дарит зрителям, мало имеют равных себе по яркости, убедительности, ясности и точности в выражении их мыслей и чувств. С первых шагов на эстраде актриса показала себя мастером.

Миронова дебютировала диалогами, имитировавшими разговоры по телефону нескольких персонажей. Это было очень смешно. Особым успехом пользовалась ехидно изображаемая молодой Мироновой девица по имени Капа, носительница типичных воззрений мещанки своего времени.

Злоречивые завистники, помнитесь, пустили в те годы шепоток, что Миронова не умеет делать ничего, кроме имитаций телефонных разговоров. Вот прошло добрых три десятка лет. И что же? По количеству лиц и масок, которыми нас одарила эта артистка, ее, на мой взгляд, можно сравнить разве только с Аркадием Райкиным. И какое разнообразие драматургических форм в ее спектаклях-концертах — от большой, на весь вечер, пьесы до интермедии на три минуты и

Менакера. Но это зрелищное «предприятие» началось без Менакера. Мы знаем сольные выступления Марии Владимировны и сегодня. Поэтому и говорим так, как обозначено в заголовке этой статьи.

Мария Владимировна — сатирик, что называется, божьей милостью. Хочется назвать ее разведчиком, которого муза сатиры в самой жизни заслала в стан мещан и себялюбцев, дур и кичливых франтих; а эти особы даже не подозревают, что раскрывают перед будущим исполнителем сатирических образов свои нехитрые секреты, глупые привычки, нелепые мнения и предрассудки. Миронова черпает из быта пригоршнями всяческие приметы своих «героинь». И в этом, на мой взгляд, она не имеет себе равных артисток на нашей эстраде.

Список постоянных персонажей Мироновой, несомненно, открывает туповатая и сытая супруга товарища, который добился известного положения, но не слишком развил свой интеллект. И его верным — при всех искажениях и преувеличениях — отражением стала «подруга жизни». Пусть сам обладатель тихого места ссорится с женой, ее воззрения и вкусы все равно бросают тень на главу семьи. Ну, а уж личность этой мещанки выражена в предельно ясных мнений-резолюциях, которыми она самоуверенно угощает и мужа, и нас — зрителей. Такого типа дамочек Миронова создала в нескольких вариантах. Различия здесь — в большей или меньшей чванливости, в степени отсталости, выдаваемой за самые последние настроения и оценки, в большей или меньшей степени провинциальности. Провинциальность бывает ведь и столичная: можно жить в Москве и иметь взгляды, уместные в Тетюшах прошлого века. Миронова блистательно изображает таких особ.

Затем в ее галерее идет ряд фигур из артистической среды. На драматической сцене и на эстраде бытуют свои, очерченные профессией и средой воззрения, столь же ограниченные, как катехизис мещанства. Это мещанство, так сказать, закулисное. Но оно выплывает в зрительный зал, когда по-

тщеславных и сытых искательниц наслаждений и комфорта, которым желательно, чтобы все и вся обслуживали их себялюбивые потребности. У нас в стране мало дамочек этого типа. Но все-таки они встречаются. Цинизм в сочетании с некоторой наивностью свойствен избалованным самкам, убежденным в собственном величии. Именно так играет их Миронова.

А вот — просто теща. Веками она была чисто комическим персонажем. И остается им. Но ведь бессмысленная сварливость тещи, ее злость, априори направленная на зятя, не столь уже мелка и добродушна. Недаром народ придумал изречение: хорошо бы направить энергию тещи на мирные цели. Неразумная теща вонистину отвратительна и приносит вред. Играть такую ведьму непросто. Нужен особый подбор красок, чтобы выйти из рамок юмористических анекдотов и сообщить теще, так сказать, социальный характер... Но наша артистка умеет совершить и такой «перелет»: ее сварливые мамы вырастают в личности социально опасные.

Особая категория ролей Мироновой — образы положительные. Их Мария Владимировна тоже играет постоянно. Артистка умеет быть лиричной и трогательной, умеет показать добрые чувства и мысли. Правда, рядом всегда присутствуют юмор, ирония. Но ведь и в жизни смешное сопутствует печальному и доброму. А сколь часто равнодушие и эгоизм ранят именно тех людей, которые стремятся к добру!.. Без этих штрихов отражение действительности стало бы неполным. А уж в сатире просто необходимо сочетание хорошего и дурного. Иначе получается клевета.

Еще в тридцатых годах в Московском театре миниатюр (он помещался на улице Горького) в одноактной комедии Л. Ленча «Заместитель» Миронова играла роль простой деревенской женщины, которая поступила в услужение к пожилому ученому. Эта добросовестная и наивная особа желает добра своему хозяину. Она «учит» его своим воззрениям и сама учится городским порядкам. И к тому же искренне полагает се-